
*«Я предпочту
одного настоящего читателя
миллиону плохих»*

*Интервью Дарьи Барышниковой
с Александром Давыдовым*

■ **Дарья Барышникова:** Давайте поговорим о Ваших двух главных издательских проектах – журнале «Комментарии» и серии книг «Новый Гулливер». Журнал выходит с 1992 года. Вы пишете о журнале, что это своего рода «комментарии к невысказанному, неведомому тексту». Заявленная при создании журнала, эта концепция сохранилась или как-то поменялась – все-таки прошло 15 лет?

■ **Александр Давыдов:** Она не менялась, потому что идея тогда была очень общая, ее необязательно было как-то конкретизировать и сужать. Существовали толстые журналы, других почти не было. Они печатали уже какие-то апробированные вещи, согласно своему вкусу, этот же журнал был задуман, чтобы печатать все, что не вмещается в толстые журналы. Практически все вещи, находящиеся на обочине культуры, вне мейнстрима, но тем не менее существенные, по моему мнению. Те, что по ощущениям со временем войдут в мейнстрим. Я принципиально не печатал произведения, которые вмещались в рамки толстых журналов. Некоторые авторы даже обижались. И пространство выбора тогда было совершенно необозримое. Мы не знали ни французской философии постмодернизма, ни постструктурализма. Одним из первых я начал печатать Бланшо, Батая, Деррида и других. Тогда практически не печатались Подорога, Рыклин и так далее. У нас же какие-то их

публикации были. Печаталось новое поколение наших поэтов – Парщиков, Жданов... И все они скоро вошли в мейнстрим, сфера журнала постепенно сужалась. С одной стороны, сужалась, но, с другой – расширялась. Такой жесткости не было, к тому же размылись границы мейнстрима. Тех же авторов стали впоследствии печатать и в толстых журналах. К сожалению, можно сказать, что нужда в «Комментариях» стала гораздо меньше. Одно время журнал среди интеллектуалов был очень популярен. Потом эта сенсационность сошла на нет. Возможно, теперь нужен какой-то новый проект в этой области.

Еще выяснилось, что журнал все время подверстывали к постмодернизму. При моем полном равнодушии к литературе постмодернизма по сути я готов с этим согласиться.

■ Д.Б.: Вы пишете о мозаичности подбираемых материалов...

■ А.Д.: Да, по принципу монтажа, журнал-коллаж... Но эпоха уже кончилась, и нужно что-то новое. Новое, явное, сильное, очевидное, конкретное. Пока оно не просматривается.

■ Д.Б.: Говоря о концепции журнала, Вы подчеркиваете, что с самого начала было интересно выявлять то, что еще только зарождается, и в каком-то смысле то, для чего пока нет языка. Некий воздух эпохи, когда что-то бродит, но еще не сформировано. Или сейчас все эти движения застывают?

■ А.Д.: Да нет, конечно, все это есть и продолжает существовать. Но тогда не надо было особенно и трудиться, достаточно было руку протянуть: был такой узенький мейнстрим и такое широкое поле незнания. Тут что угодно хватай, и все будет хорошо и все существенно. Публикации Деррида, Батая, которых практически не знали, или того же Бланшо. Это же событие! Теперь все гораздо тоньше.

Из тогдашних единомышленников могу назвать поэта и прозаика Андрея Таврова и Александра Иличевского, получившего в 2007 году «Букера». Мы написали манифест «Новый метафизис» (в «Знамени» была статья «Размышление на грани веков», где я излагаю свое представление о том, какая литература в принципе зреет).

Мы здесь в России, видимо, немножко отстаем, поскольку на Западе к тому времени она уже назрела. Но я понимал, конечно, что тут же все и профанируется. С одной стороны, мне казалось, что это серьезней и важней, чем постмодернизм, а с другой стороны – профанация сразу наготове.

■ Д.Б.: Что Вы имеете в виду?

■ А.Д.: Профанирование метафизиса. После этого кто сразу выплыл на Западе? Мураками, Коэльо – вот это уже профанированный метафизис. Дальше Дэн Браун. А потом рассыпалась еще масса мелких подражателей Дэна Брауна...

■ Д.Б.: Но все-таки это немного другой срез, немного другая литература.

■ А.Д.: Это профанированная духовность, метафизичность, и таинственность, и глубина. Все это профанировано и получило широкое развитие. И у нас тоже есть такое. Симулированная серьезность, духовность. Но в мире, если не ошибаюсь, такая литература не получила определенного названия. Есть в этом русле и неплохие авторы. Вот Робертсон Дэвис, канадский писатель, тоже ведет игры в духе Дэна Брауна, но ближе к Умберто Эко. Не столь интеллектуальный, как Эко, и не столь примитивный, как Браун, отличный беллетрист, но всерьез относиться к нему как к гуру...

■ Д.Б.: Да, но это же немного другое и вполне закономерное явление, когда некие проблемы, поднимаемые в интеллектуальной литературе, сначала заявляются или как-то в ней очерчиваются, а потом идет их тиражирование и упрощение в литературе массовой, в беллетристике, нет?

■ А.Д.: Естественно, это именно так. Тут вот что любопытно. Вот явление существует, вот метафизис, но он до сих пор как бы в латентном виде, в то время как уже профанирован. Сначала должна быть какая-то матрица, основа, а потом уже профанирование. То есть по идее симулякр все-таки вторичен. А здесь это так быстро произошло, что симуляция опередила оформление этого явления.

■ Д.Б.: А были ли возможности для его оформления?

■ А.Д.: Почему же нет, все оформляется. Должно быть оформлено. Вот наша книжная серия («Новый Гулливер»), которую мы

делаем вместе с поэтом и прозаиком Вадимом Месяцем, собирает в основном писателей такого типа. Писателей духовного поиска. Они очень разные – и по уровню, и нравятся мне в разной степени. Но они – не профанация. Каждый в меру своего таланта и глубины, но все стараются. К постмодернизму отношения не имеют, хотя подвергать под него можно все что угодно.

■ **Д.Б.:** Для «Нового Гулливера» Вы выбираете авторов по их устремлению к духовному поиску или уделяете внимание их работе с языком?

■ **А.Д.:** Я очень не люблю это понятие «работа с языком» – не надо с языком ни в коем случае работать. Если пишешь всерьез, язык тоже видоизменяется, формируется, но ты ни в коем случае не должен быть к нему обращен. Обращенность к языку, это свойство постмодернизма, мне всегда была чужда. Пастернак говорил, что иногда новизну содержания принимают за изыск формы. Да, язык развивается, но вот у тех, кто ставит цель «дай-ка я разовью язык», как правило, получается скудно, нарочито: он не развивается. Язык развивается от смыслов, а не от перестановки слов. Язык развивается для смыслов и из смыслов, а создавать какие-то пустые формы, в которые ничего не вливается и не вольтется, – ну есть ли в этом резон?

■ **Д.Б.:** Давайте поговорим еще немного про серию книг. Выбирая авторов для публикации, Вы думаете о читателях, на которых рассчитываете, или для Вас важнее, чтобы этот текст состоялся, вышел?

■ **А.Д.:** Я не знаю, что думают другие, но лично я всегда обращен к читателю. Поскольку в первую очередь я писатель и критики меня все время обвиняют в сложности. На самом деле ничего подобного, я на читателя не плюю, я вообще против элитарности, в смысле элитарности замкнутой – лексики какого-то определенного круга или предписания об обязательном знании контекста. Нет, когда я пишу, то не ориентируюсь ни на какой особый контекст, все в самом прямом смысле. Я уважаю читателя, но и прогибаться перед ним не считаю нужным. Ну, сию секунду не поймет, но перед нами вечность в конце концов.

Да, книги должны быть, они должны быть предложены, а сколько читателей их сможет одолеть... Дверь распахнута, и можно заходить. Почему акцент ставится на это «сейчас»? Будет завтра, потом послезавтра, забудутся нынешние кумиры. А отношение рядового читателя – это домыслы критиков, которые всё постоянно пытаются выдумать... Сначала они вообще заявили, что литературы не существует.

■ Д.Б.: Как такое возможно?

■ А.Д.: Ну что значит, что литературы нет? Если вы критики, вы ее придумайте, если ее действительно нет. А она есть. Потом поняли, что это неправильный путь, стали выдумывать какие-то величины. И все мимо. Вот букеровская премия, кто-нибудь помнит ее лауреатов?

■ Д.Б.: Если говорить о критике, нет ли здесь такой проблемы, что при наличии столь многих и разных литературных форм и возможных способов действия нужен какой-то другой способ говорения о литературе? Не традиционная критика, которая как правило воспринимается если не с отторжением, то с настороженностью...

■ А.Д.: Да, конечно, это не то. И потому что сознание не то, и вкусы их законсервировались на уровне шестидесятничества. Но сейчас и жизнь меняется, и литература меняется, и язык. И представление о литературе должно измениться. И дело, вероятно, даже не в том, что нет языка для разговора о литературе. У критиков нет поиска, а есть довольно узенький горизонт ожиданий. Все, что вне этого горизонта, их не интересует. Кстати, Вы, наверное, тоже заметили, что ни один писатель, известный за пределами узколитературного круга, не найден и не придуман критикой. Можно по-разному относиться к этим авторам, но ни Пелевин, ни Сорокин, ни Ерофеев, ни тот же Акунин, ни Улицкая – никто не был открыт критикой, а первые трое даже были встречены ею в штаны.

■ Д.Б.: Продолжим тему отбора. Вы говорите, что не стараетесь в журнале формировать какое-то эстетическое направление подбором текстов, то есть тексты могут быть принципиально разные. Но Вы же отбираете совершенно конкретные тексты, не складывается ли это в какую-то концепцию?

■ А.Д.: Скорее нет. Имеется в виду, вероятно, вот что. Я вообще-то литературно всеяден. Как у читателя у меня нет пристрастий. Как, скажем, и в изобразительном искусстве. Мне равно до роги Дерен, Леонардо, Рембрандт, Руо и многие другие. И я верю в свой вкус. Мне кажется, я способен ощутить какую-то витальную ценность. В какой бы форме произведения ни были сделаны, каким бы кодом ни пользовались, их суть и ценность мысли можно уловить.

■ Д.Б.: Но у Вас как у главного редактора серии или журнала есть же некие принципы отбора?

■ А.Д.: Только не по степени сложности. Есть сложнее книги, но я не отрицаю и простые книги. Вот вышла книга Игоря Алексеева – пронзительная, блестящая. Вы, кстати, запомните имя – Игорь Алексеев, оно прозвучит. Это сильный, настоящий талант. Он прост, внятен и традиционен. Но глубину и силу смыслов я способен оценить в совершенно любом виде.

■ Д.Б.: У Вашей серии небольшие тиражи, то есть нельзя сказать, что книги рассчитаны на широкий слой читающих людей...

■ А.Д.: Я предпочту одного настоящего читателя миллиону плохих. А насчет тиражей... Ахматова, Цветаева до революции какими тиражами издавались? Дело ведь не в количестве читателей, а в их качестве и объединенности. Проблема в том, что сейчас не существует резонирующей среды. А тогда была. Читателей было меньше, чем сейчас, но они были плотны, как и литературный мир. А сейчас эти читатели рассеяны, друг с другом не связаны и не образуют некой резонирующей среды.

■ Д.Б.: Как Вы считаете, возможны ли какие-то способы объединения?

■ А.Д.: Трудно сказать. Вот Дмитрий Кузьмин, например, организовал сайт Вавилон, а теперь еще и журнал «Воздух». Массу усилий и энергии он употребляет на то, чтобы как-то объединять. И надо еще учесть, что сейчас литература находится в расцвете. По крайней мере, в плане количества. При этом многие пишут хорошо. Особенно поэты.

■ Д.Б.: А с чем это может быть связано?

■ А.Д.: Я думаю с престижностью литературы и с увлечением поэзией еще в советские времена.

■ Д.Б.: То есть можно писать хорошо, потому что это престижно?

■ А.Д.: Нет, конечно, но сколько людей устремилось в литературу. И сейчас, когда это не сулит ни денег, ни особенной славы, многие пишут, и пишут хорошо. Надо как-то всех постараться учесть, а потом уже установится иерархия. Время кого-то отберет, кто-то забудется, но я уверен, что столько доброкачественных стихотворцев не было даже в самые редчайшие расцветы русской поэзии – ни во времена Пушкина, ни в Серебряном веке.

■ Д.Б.: Не кажется ли Вам странным одновременное присутствие двух тенденций: интерес большинства людей в легком чтиве, сериалах и каких-то банальных вещах и бурное развитие литературы? Есть ли связи между этими тенденциями, некие закономерности?

■ А.Д.: Всегда кажется, что наша ситуация уникальна, и полностью, конечно, она никогда не повторяется, но тем не менее она не очень новая. Возьмем, допустим, вторую половину XIX века, французскую живопись – уже тогда существовали и импрессионисты, и постимпрессионисты. Уже и Сезанн в расцвете, и Гоген, и Ван Гог, и так далее. Но было полное ощущение упадка живописи. Вот тоже пример латентного существования. То есть существовали не только известные сейчас художники, но и их окружение, и авторы второго и третьего ряда.

■ Д.Б.: Вы привели пример, демонстрирующий, что нечто новое появляется как бы в противовес существовавшему ранее. Как отрицающее предшествовавшее, ломающее прежние стереотипы восприятия...

■ А.Д.: Это сложный вопрос. Не буду вдаваться в социологию, но вот пример из истории живописи. В затхлой консервативной Испании Гойя, который ломал все, что можно, считался великим художником. А его младший современник Делакруа в передовой развитой Франции был встречен в штыки. А у нас латентно существует сильная литература, она не учтена, пока лишена иерархии, и отбор этот будет довольно долгим.

■ Д.Б.: Но иерархия нужна?

■ А.Д.: Я считаю, что да, хотя некоторые, как раз с постмодернистской точки зрения, считают, что все тексты друг другу равны. Никогда не соглашусь с такой позицией.

■ Д.Б.: А критерий? Ведь любая иерархия предполагает критерий.

■ А.Д.: Была в моде в 1960-е информационная эстетика, математизация эстетики, но литература от этого ускользнула. Но если нет четких математических критериев, это не значит, что нет иерархии. Суждения выносятся по принципу «нравится – не нравится», это интуитивные суждения, а иначе и судить было бы невозможно. Если у человека хорошо настроена душа и хороший вкус, он сразу чувствует, что гениально, а что нет. Вот слово «вкус» как-то вышло из моды, а вкус ведь очень важная вещь. Человек с хорошим вкусом определяет тенденцию, а через какое-то время это становится общим местом: мол, да, это действительно так.

■ Д.Б.: А литература может учить хорошему вкусу? Или формировать его каким-то образом?

■ А.Д.: Ну да, конечно. Но такой вкус нужно иметь. Существует и талант вкуса. Он может и должен развиваться. Правда, иногда он патологически отсутствует, и тогда что бы ты ни читал... Какое-то зерно вкуса должно присутствовать в человеке генетически.

■ Д.Б.: Публикуя книги Вашей серии, Вы считаете, что каким-то образом формируете вкус?

■ А.Д.: Я считаю, что у меня хороший вкус. И подтверждаю этому достаточно много. Я, конечно, не утверждаю, что все авторы этой серии равноценны, – отнюдь. Но все они уникальны, все это штучный товар. Не нужно считать, что все это мне исключительно нравится, но это то, что я считаю ценным.